

Если в деревне случалась эпидемия, это обязательно были проделки полужомбированных людей.

Если оползень был вызван бурей, это значит, что подземные жители разрыхлили землю.

Если тайфун и цунами затопили поля, это Морское дитя разгневало морского бога.

Если снежная буря закрыла горные перевалы, и люди и скот замерзали, нужно было принести в жертву несколько снежных людей, чтобы успокоить горы, иначе вьюга не прекратится.

Если в городе бешеные собаки кусали и убивали людей, это, конечно же, были проделки оборотней, ведь волки и собаки ведь похожи, не так ли?

«Особый» стал первородным грехом.

Врожденная кровь и боль, которую они терпели, стали основой для осуждения.

Но всё изменилось благодаря Стражам и Проводникам. Внешне они ничем не отличались от обычных людей, и, войдя во властные структуры, «особые люди» наконец стали восприниматься серьезно, а не просто как объект исследования.

Люди начали постепенно понимать: «Они» и «Мы» — это один и тот же вид.

Ключевое слово не «особый», а «человек».

— «Закон о защите прав особых людей» был принят в восьмидесятых годах прошлого века, а этот документ является дополнением к положениям о преступлениях в рамках этого закона. Я только сейчас, изучая материалы, узнала, что любого особого человека могут оклеветать без всяких оснований, — сказала Бай Сяюань. — Хотя сейчас жизнь значительно улучшилась, дискриминация всё еще существует, но она стала более скрытой, как, например, случай с Пэн Ху в обычной больнице. В общем, чтобы избежать ошибок, это правило очень строгое. Цай Миньюэ — Проводник, и если мы хотим её расследовать, нам нужно получить разрешение от Кризисного бюро и Комитета по делам особых людей.

Тан Цо, сидевший рядом, медленно произнес:

— Общаться с Комитетом по делам особых людей...

Комитет по делам особых людей, сокращенно КДОЛ, является высшим органом власти для особых людей. Он управляет Кризисным бюро, и когда Цинь Шуаншуан была переведена, а Гао Тяньюэ назначен, это всё было решением КДОЛ.

— Кроме того, я выяснила, что сын Цай Миньюэ, Цай И, сейчас является заместителем генерального секретаря КДОЛ, — добавила Бай Сяюань.

Все в офисе замолчали.

Цинь Гэ первым заговорил:

— Ты имеешь в виду, что вторая проблема — это Цай И или отсутствие доказательств?

Увидев, что Бай Сяюань не отвечает, Цинь Гэ серьезно сказал:

— Какая бы должность ни была у сына Цай Миньюэ, для меня это не проблема.

Эти слова подействовали как успокоительное, и Бай Сяюань вздохнула с облегчением.

— Проблема в доказательствах, — сказала она. — У нас ничего нет, и сценарий, описанный Пэн Ху, тоже невозможно проверить.

Хотя показания Пэн Ху позволили им узнать о существовании Цай Миньюэ, сама Цай Миньюэ не была связана ни с какими подозрительными инцидентами. У них не было причин для её расследования.

Бай Сяюань достала отчет Пэн Ху, сделанный в тот день.

— Единственное, что мы можем использовать, — это этот отчет Пэн Ху, — Бай Сяюань посмотрела на Цинь Гэ. — Пэн Ху утверждает, что его «море сознания» не в порядке, но он не ментальный регулятор, и его суждение не имеет силы. Если Цинь Гэ сможет выдать заключение о том, что «море сознания» Пэн Ху действительно аномально, мы сможем использовать это как основание для запроса на расследование.

Пэн Ху, будучи врачом 267-й больницы, не только сам предоставил отчет, но и заявил, что его «море сознания» ненормально. Это может серьезно повлиять на больницу и пациентов, и запрос на расследование на этом основании может быть одобрен.

И, как сказал Янь Хун, это Цай Миньюэ вызвала аномалию у Пэн Ху, и они смогут законно включить её в список подозреваемых.

Цинь Гэ нахмурился:

— Но «море сознания» Пэн Ху в полном порядке. Я не могу подделать диагноз и навредить ему.

Бай Сяюань прикусила губу. Помада, которую она только что нанесла, немного стерлась, и на её лице появилось выражение тревоги.

— Я уже проверила, если врач-Страж или Проводник получает диагноз о ненормальном «море сознания», его лицензия отзывается, и он больше не может работать врачом, — тихо сказала она. — Пэн Ху знает, что это худший исход, но даже так он сделал этот отчет. Цинь Гэ, он готов к худшему.

Цинь Гэ был настолько поражен, что не мог говорить.

Пэн Ху пожертвовал своей медицинской карьерой, чтобы сообщить о Цай Минъюэ.

Возможно, он узнал о секретах прошлого из «бредовых» слов Цай Минъюэ, и в этом противоречии он выбрал сложный путь для доноса.

Когда Цинь Гэ впервые встретил Пэн Ху, тот пил, но в его глазах не было опьянения. Бутылка красной звезды эрготову не могла его опьянить. Он просто использовал алкоголь, чтобы набраться смелости и сказать то, что не решался сказать в трезвом состоянии.

— Спаси меня, — сказал тогда Пэн Ху Цинь Гэ. И только теперь Цинь Гэ понял, откуда взялась его боль и противоречия. Его отчет стал первой падающей костяшкой домино, которую Пэн Ху сам толкнул.

Что именно сделала Цай Минъюэ в операционной № 6, Пэн Ху говорил туманно, но, судя по всем следам, которые они нашли, ответ был уже на кончике языка.

Операционная, залитая кровью, ребенок, прошедший сквозь стену — всё это было галлюцинациями Цай Минъюэ.

Те дети погибли от рук Цай Минъюэ, поэтому она была так напугана.

Они не умерли естественной смертью. Их убила доктор Цай из прошлого.

— Я не напишу такое заключение, — без тени сомнения сказал Цинь Гэ. — Это не соответствует фактам и противоречит профессиональной этике ментального регулятора.

Он посмотрел на троих перед ним. Никто не возразил.

— Давайте подумаем, есть ли другие способы, — впервые Цинь Гэ почувствовал, что действительно ведет их. — Мы не можем ради того, чтобы разоблачить виновного, разрушить жизнь невинного человека.

Цинь Гэ весь день думал о деле Цай Минъюэ, и, выйдя с работы, он испугался, увидев, что Се Цзыцзин идет за ним к парковке:

— Что тебе нужно?

Сказав это, он сразу вспомнил, что утром поспешно предложил ему переночевать.

Се Цзыцзин нес огромный туристический рюкзак, которого Цинь Гэ раньше не видел, и на его лице читалось скрытое возбуждение:

— Мне нужно купить что-то в качестве подарка? Впервые иду к тебе в гости.

— Откуда этот рюкзак? — спросил Цинь Гэ.

— Это мой багаж, — ответил Се Цзыцзин. — Последние пару дней я оставлял его у вахтера.

В первый день он пришел с этим рюкзаком и договорился с вахтером о ночлеге. Вчера, когда он ночевал у Тан Цо, он взял рюкзак с собой, а сегодня снова принес его в Кризисное бюро.

— ...Тебе не тяжело? — беспомощно спросил Цинь Гэ. Рюкзак был не только большим, но и угловатым, и, хотя неизвестно, что было внутри, он явно был нелегким.

— Панда Тан Цо боится меня, — сказал Се Цзыцзин. — Сегодня я снова планирую переночевать у вахтера.

Цинь Гэ смотрел на него, и в его сердце внезапно возникло чувство растерянности.

Се Цзыцзин был слишком послушным. Внезапно он словно снял маску перед Цинь Гэ, и его простая фраза снова смягчила его сердце.

— Поселись в гостинице, — не выдержал Цинь Гэ. — На той кровати у вахтера ты даже ноги не сможешь вытянуть.

— Не нужно, — ответил Се Цзыцзин. — Может, когда вернется директор Гао, я уеду.

— Куда?

— Не знаю. Но ты ведь не хочешь, чтобы я оставался в Отделе регулирования?

Цинь Гэ: ...

В его сердце уже не было бури, только жалость к Се Цзыцзину, которая, как волны, нежно накатывала на берег, но при этом тяжело отзывалась в его душе.

— Это не так, — осторожно сказал он. — Я не хочу тебя выгонять.

Цинь Гэ знал, что сейчас проявлять мягкость было очень плохо, но... Черт возьми, этот человек был слишком жалким.

Се Цзыцзин уже улыбался:

— Тогда пойдём, к тебе.

— Ты поедешь на метро, — сказал Цинь Гэ. — Я никого не подвожу.

И, сам не зная как, они обменялись номерами телефонов, WeChat и электронной почтой.

По дороге к станции метро жалость в сердце Цинь Гэ постепенно исчезала. В ритме легкого подергивания век он вдруг почувствовал неясное предчувствие — он словно попал в ловушку Се Цзыцзина.

[Авторское примечание: Духовная сущность Цинь Гэ: Всем привет, я прождал неделю, завтра я появлюсь. (размахивая длинной шерстью) Те, кто думал, что это бамбуковая крыса, вы просто дьяволы! (Даже если это бамбуковая крыса, то это белый принц с золотой картой неприкосновенности)]

<http://bllate.org/book/15560/1384454>